

Лирический текст в аспекте коммуникативной стилистики: возможности и перспективы

Зайцева И.П.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Достижения теории коммуникации в целом и коммуникативной лингвистики в частности способствуют и более глубокому и многостороннему анализу конструктивных жанрово-стилистических параметров лирического текста, среди которых: лирический субъект, семантическая полифония, подтекст и др.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили лирические произведения одной из популярных современных поэтесс — Ларисы Миллер.

Основным методом, с помощью которого проводилось исследование, является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками коммуникативного и коммуникативно-стилистического методов.

Результаты и их обсуждение. Проведённые наблюдения подтвердили гипотезу о том, что коммуникативно-стилистический подход — в сочетании более традиционными — является весьма плодотворным способом постижения своеобразия современного лирического текста, тем более в ситуации превалирования в творчестве поэтов-лириков настоящего периода лирики автопсихологического характера.

В частности, он позволяет выявить и более детально (а в ряде случаев, несомненно, и более глубоко) описать различные ипостаси лирического субъекта на основе анализа избранных автором в каждом конкретном случае средств и способов лингвостилистического «оформления» данного феномена.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, лирическая структура, лирический субъект, «внутренний» адресат, идиостиль.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 72–77)

Lyrical Text in the Aspect of Communicative Stylistics: Opportunities and Prospects

Zaitseva I.P.

Vitebsk State P.M. Masherov University

Achievements of the theory of communication in general and communicative linguistics in particular contribute to a deeper and multilateral analysis of the structural genre and stylistic parameters of the lyrical text, including: lyrical subject, semantic polyphony, subtext, etc.

Material and methods. The material for the observations was the lyrical works of one of the most popular contemporary poets — Larisa Miller.

The main research method is the method of contextual analysis used in combination with various methods and techniques of communicative and communicative and stylistic methods.

Findings and their discussion. The conducted observations confirmed the hypothesis that the communicative and stylistic approach — in combination with more traditional ones — is a very fruitful way of understanding the originality of the modern lyrical text, especially in the situation of prevalence in the works of the present day lyric poets of the lyrics of the author's psychological nature.

In particular, it makes it possible to identify and describe in more detail (and in some cases, undoubtedly, more deeply) various hypostases of the lyrical subject on the basis of the analysis of the means and methods of linguistic “registration” of this phenomenon chosen by the author in each case.

Key words: communicative stylistics, lyrical structure, lyrical subject, the “internal” addressee, idiostyle.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 72–77)

В современных исследованиях проблем художественной речи, в связи с утверждением в гуманитарной науке антропоцентрической парадигмы как ведущей, лингвопрагматический и коммуникативно-стилистический аспекты закономерно вошли в число наиболее значимых и при комплексном, и при фрагментарном анализе особенностей словесного пространства литературно-художественных произведений. Представляется, что анализ коммуникативно-речевых произведений, в которых превалирует эстетическая функция, будучи дополненным указанными аспектами, также позволит более глубоко и детально постичь концептуально-эстетическое своеобразие словесно-художественных произведений, относящихся к различным литературным родам, а также полнее и многоплановее осознать связь специфических родолитературных параметров с авторскими принципами отбора и организации языкового материала, привлекаемого для создания того или иного произведения.

Настоящая публикация ставит своей целью проанализировать с позиций коммуникативной стилистики одну из ключевых эстетических категорий словесно-художественного лирического произведения, для обозначения которой используется в настоящее время ряд терминов, среди которых: *автор-поэт – лирический герой – лирическое “я” – лирический субъект*. Несмотря на то, что обозначенная категория выделяется теоретиками лирического творчества довольно давно (как минимум – на протяжении последних двух веков), способы её лингвостилистического воплощения в настоящее время обозначены довольно общо и, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшей разработке и детализации, в том числе и с позиций сформировавшегося в последнее время междисциплинарного направления – *коммуникативной стилистики художественного текста*.

Это направление особое внимание уделяет автору художественного произведения как коммуниканту с определёнными особенностями речевого поведения, преимущественно ориентированному на воплощение и передачу информации эстетического свойства – ср., например: «Языковая личность автора интересует коммуникативную стилистику текста в аспекте идиостиля, проявляющегося в текстовой деятельности. При этом данное понятие наполняется **новым, более широким по объёму содержанием** сравнительно с традиционным. ... Новая интерпретация идиостиля связана с многоаспектностью данного понятия, способного интегрировать разные особенности языковой личности автора (ср. известное суждение «Стиль – это сам человек»). ... Идиостиль, таким образом, – это стиль личности во всём многообразии её многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике

и прагматике текста)» (выделено мною. – И.З.) [1]. Таким образом, элементы авторского идиостиля, являющиеся репрезентантами адресанта в эстетически осложнённом коммуникативном процессе, также приобретают дополнительно ряд характеристик, которые при осмыслении их в русле иных подходов оказываются менее явными либо вообще не принимаются во внимание.

Материал и методы. Материалом для наблюдений в данном случае послужили лирические произведения одной из популярных современных поэтесс – **Ларисы Миллер**, заслужившей к настоящему времени и преимущественно позитивную оценку критиков, и безусловную популярность у читателей.

Основным методом, с помощью которого проводилось исследование, является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками коммуникативного и коммуникативно-стилистического методов.

Результаты и их обсуждение. Современные исследователи, исходя из традиционного сопоставления лирики с эпосом и драмой, единодушно относят лирику к «самому субъективному» (Л.Я. Гинзбург) из трёх родов литературы, отмечая в качестве одной из основных её особенностей обращённость не к внешним событиям, а к внутреннему миру человека. При этом, несмотря на постоянное (уже в течение нескольких тысячелетий) внимание исследователей к словесно-художественному лирическому творчеству, одной из самых сложных и далеко не решённых на сегодня проблем современной филологической науки в сфере изучения художественной речи остаётся проблема исследования средств и способов воплощения в лирическом произведении *автора-поэта* и/или созданного автором «действующего» лица (*лирического субъекта, лирического героя* и т. д.), и прежде всего – лингвостилистических характеристик означенных феноменов.

Различия между «взаимоотношениями» автора и героя в лирическом произведении и автора и героев (персонажей, действующих лиц) в произведениях эпических и драматургических были замечены исследователями довольно давно, хотя нередко истолковывались весьма различно, иногда с диаметрально противоположных позиций. Одно из свидетельств этому – весьма значительный диапазон терминов, предлагаемых для обозначения выведенного в лирическом произведении субъекта, среди которых: термин *лирическое “я”* (впервые использованный И. Анненским и используемый М. Зусман в работе о своеобразии лирики, вышедшей ещё в 1910 году); введённый в статье «Блок» Ю. Н. Тыняновым термин *лирический герой* (1921 год) и ряд других, в том числе и значительно более современных номинаций.

В настоящей публикации для обозначения «действующего» в лирическом произведении лица мы будем использовать предложенный рядом исследователей термин *лирический субъект*, который определяется С.Н. Бройтманом как «носитель речи, а также основной (объемлющей) точки зрения на мир и оценки в лирическом художественном произведении» [2,]. Материалом же для рассмотрения этой категории в конкретных произведениях, как уже было указано, послужили лирические произведения современной поэтессы Ларисы Миллер.

Большинство лирических произведений Л. Миллер принадлежит, по нашим наблюдениям, к так называемой *автопсихологической* лирике. Основным отличием автопсихологической лирики от иных разновидностей этого литературного рода является то, что в таких поэтических произведениях мы наблюдаем художественно запечатлённый акт прямого самовыражения поэта. Именно эта разновидность лирики, в максимальной степени передающую адресату (читателю – слушателю) непосредственно процесс самораскрытия автора, открытость, и даже обнажённость, его внутреннего мира, наиболее важные моменты его душевной жизни, считается в настоящее время доминирующей частью лирической поэзии.

Такого рода концептуальная установка чаще всего предполагает самовыражение автора-поэта путём отбора из имеющегося языкового материала именно тех элементов, которые максимально адекватно и подробно передают его самовыраженность, создают иллюзию непосредственного общения с воспринимающей стороной. В подобных случаях большинство исследователей определяют лирического субъекта стихотворения как *лирическое “я”* либо *лирический герой*. Считается, что термин *лирическое “я”* впервые введён в научный оборот в работе о лирике М. Зусман в 1910 году (работа: М. Susman. Das Wesen der modernen Lyrik), однако ещё раньше был употреблён Иннокентием Анненским в «Книге отражений». Авторство же термина *лирический герой* принадлежит Ю. Н. Тынянову, впервые употребившему его в статье «Блок» (1921 год).

Современные исследователи лирики отмечают, что *лирическое “я”* сопровождается достаточно определёнными лингвистическими приметами – это прежде всего *грамматически выраженное* в лирическом произведении *лицо*, которому принадлежит речь, т. е. лицо, обозначаемое личными местоимениями первого лица – «я» либо «мы». «Но при этом оно «не является объектом для себя <...>. На первом плане не он сам, а какое-то событие, обстоятельство, ситуация, явление» [3].

Безусловно, отмеченный признак следует считать конструктивным параметром для воплощения *лирического “я”* в стихотворении, однако

лишь констатация его присутствия в лирическом тексте видится очевидно недостаточной и нуждается, на наш взгляд, в более детальном осмыслении: учёт наличия в тексте других личных и иных разрядов местоимений; связанных с местоимениями первого лица глагольных форм и анализ своеобразия их связанности; включённость личных местоимений в синтаксические структуры текста и функционирующие в нём тропы и/или стилистические фигуры и т.д.

В творчестве Л. Миллер лирические тексты, в которых присутствуют личные местоимения первого лица, весьма частотны, однако при этом, на наш взгляд, они отличаются друг от друга, иногда – весьма существенно.

Приведём ряд стихотворений поэтессы, в которых присутствует грамматически выраженное с помощью местоимений «я» и «мы» лицо (при цитировании сохранена авторская орфография и пунктуация; в цитируемых текстах выделено мною. – И.З.):

*Прошу останься, не покинь,
Останься, призрачная синь,
Сияй над рощей, надо мной,
Над всей поверхностью земной.
Ведь ты – грядущего залог
Сюжета нового пролог,
Таишь ты новую зарю...
А впрочем, что я говорю?
Ты не покинешь. Это я
Уйду в крошечные края.*
октябрь 2003;

*А где она – твоя звезда?
Ты видишь где она? О да.
Она всё время на виду,
Хоть я туда не попаду.
Она мне светит по ночам.
Благодаря её лучам
Мне не грозит сплошной пропад:
Она всё время где-то над –
Над головой моей седой,
Над всякой хворью и бедой.*
сентябрь 2003;

*Ах жизнь, щедры твои подарки!
Танцуем вальс в осеннем парке,
Танцуем вальс воздушным па,
И не кончается тропя.
Куда ведёт она – Бог знает,
И скоро ль музыка растает,
Когда-нибудь и мы замрём,
Но нынче кружимся вдвоём.
Да не наскучит нам круженье
И это лёгкое скольженье
По тверди, по коре земной...
Танцуй со мной, танцуй со мной...*
сентябрь 2003 [4]

Во всех приведённых стихотворениях присутствуют личные местоимения первого лица (*я, мы*) – явные показатели самовыраженности поэта, степень которой при этом в конкретных текстах различна, поскольку зависит как от частотности употребления этих местоимений, так и от характера взаимодействия их с другими элементами лирического контекста. Так, в первом стихотворении местоимение *я* употребляется трижды (дважды – в именительном падеже и один раз в косвенном – творительном), при этом выраженность лица в лирическом тексте дополняется употреблением *личных* глаголов речи (в формах первого лица единственного числа настоящего и будущего времени): *прошу, говорю, уйду*, – придающих создаваемому образу большую очерченность и конкретизацию. Не меньшую роль в придании объёмности образу лирического субъекта играют, на наш взгляд, ещё некоторые лингвистические элементы, также содержащие в себе сему *лица*, однако обычно не учитываемые при установлении своеобразия выраженности автора-поэта в лирическом произведении. Это глагольные формы повелительного наклонения: *останься* (дважды), *не покинь, сияй*, – явно обращённые к ещё одному лирическому субъекту (определим его как «внутренний» адресат лирической структуры) – *призрачной сини*, который далее обозначенному также личным местоимением, но второго лица единственного числа (*ты*), употреблённым трижды.

Думается, что *все* перечисленные элементы лирической структуры участвуют в самовыраженности лирического субъекта и соответственно – через его посредство – автора-поэта, передавая таким образом особенности не только внутреннего мира личности, но и коммуникативного контекста, в котором эти свойства проявляются.

Подобное описанному «оформление» проявлений лирического субъекта (точнее – лирического «я») наблюдаем и во втором из приведённых стихотворений Л. Миллер, в котором, однако, особо подчеркнута *диалогичность* изображаемого, изначально задаваемая обращёнными к «внутреннему» адресату двумя вопросами: *А где она – твоя звезда? Ты видишь где она?*, – в связи с чем лингвистическая представленность этого феномена оказывается по объёму практически такой же, как и представленность собственно лирического субъекта. Присутствие в стихотворении лирического субъекта отражено в таких лингвистических элементах: местоимение *я* (в форме именительного и дательного – *мне* – падежей), глагол в форме первого лица будущего времени (*попаду*) и притяжательное местоимение *моей* (*над головой моей седой*). «Собеседник» лирического субъекта лингвистически представлен местоимением второго лица *ты*, глаголом второго лица единственного

числа настоящего времени (*видишь*) и притяжательным местоимением *твой*.

Анализируя третье стихотворение, прежде всего следует обратить внимание на особую слитность лирического субъекта и «внутреннего» адресата, изначально задаваемую употреблением глагольных форм первого лица *множественного* числа (*танцуем* – дважды) и «подкрепляемую» далее употреблением двух глаголов в форме также первого лица *множественного* числа настоящего и будущего времени (*замрём, кружимся*) и личного местоимения *мы* в формах именительного и дательного падежей (*мы замрём; не наскучит нам*), а также дважды употреблённой формой творительного падежа местоимения *я* (*со мной*) и формами глагола повелительного наклонения, явно обращёнными именно к «внутреннему» адресату (*танцуй со мной, танцуй со мной*).

Особую группу в творчестве Л. Миллер образуют лирические стихотворения, где лирический субъект обозначается местоимением первого лица, однако лишь в форме *косвенного* падежа, чаще всего *дательного*, т.е. в грамматической форме, которая в русском языке связывается с бессубъектностью и употребляется чаще всего в безличных предложениях, где указание для лица, осуществляющее действие, отсутствует. Такую языковую организацию наблюдаем в приводимых далее стихотворениях Л. Миллер (выделено мною. – И.З.):

Дни идут, дорога вьётся...
Почему-то не идётся,
Не идётся мне по ней,
Почему-то не живётся
Средь сверкающих огней.
Почему-то не живётся,
Не идётся нынче мне...
Но и это всё зовётся
Просто жизнью на земле.
октябрь 2003;

Мне сегодня не до сна,
Потому что жизнь грустна.
С каждым днём она грустнее,
Подскажи, что делать с нею,
Как её растормошить,
Ноты горестной лишить,
Как лишить щемящей ноты...
Но всё время слышу: «Кто ты?
И зачем тебе дана
Вось, которая без дна?»
сентябрь 2003 [5].

При функционировании в лирическом тексте местоимения первого лица лишь в форме дательного падежа – дважды употреблённое *мне* в первом из стихотворений – способствует сосредоточенности читательского внимания на состоянии

лирического субъекта, а не на его личности, что в значительной степени «подкрепляется» грамматически – введением местоимения в безличные синтаксические конструкции (*Почему-то не живётся, / Не идётся нынче мне...*).

Во втором из приведённых стихотворений лингвистическая выраженность личности лирического субъекта сводится к употреблению личного местоимения первого лица в косвенном (дательном) падеже – *мне* – и глагола настоящего времени в форме первого лица единственного – *слышу*; однако упоминание о «внутреннем» адресате (хотя и значительно менее конкретном, нежели в цитируемых ранее текстах) присутствует и здесь – на этого субъекта указывает глагол повелительного наклонения *подскажи*.

В творчестве Ларисы Миллер присутствуют и лирические произведения, где основной акцент перенесён на **субъекта-адресата**, что грамматически выражается употреблением личного местоимения второго лица единственного числа (*ты*) и связанными с ним другими частями речи (прежде всего – глаголами в аналогичной грамматической форме), причём в подобных случаях этот субъект-адресат, на наш взгляд, является как минимум *двуплановым*, совмеща в себе и традиционного для лирики адресата (предполагаемого читателя-слушателя), и адресата, квалифицируемого нами как «внутренний». Подобную организацию лирического текста наблюдаем, в частности, в приводимом ниже стихотворении (выделено мною. – И.З.):

*Ничего, что темно. Это временно, право.
Ты увидишь закат, если глянешь направо,
Там последние всполохи, искры и вспышки.
Благодарствуй, судьба, за такие излишки,
За такие щедроты, красоты, намёки
И за свет уходящий, непрочный, далёкий,
И за то, что, всех нас оставляя во мраке,
Ты, любя, подаёшь мимолётные знаки.*
декабрь 2003 [6].

Употреблённое в лирическом тексте местоимение второго лица единственного числа *ты* совмещает в себе обращённость как к конкретному лицу, так лицу *обобщённому*, объединяя в себе таким образом семантику единичности и всеобщности, которая концентрируется в таком характерном для лирики свойстве как «для себя – и одновременно для всех» (Т.И. Сильман). Очевидно, что в этом случае семантический план лирической структуры в определённой мере отличается от рассмотренных ранее произведений, где местоимение *ты* также употребляется, в том числе и неоднократно.

Особо следует, с нашей точки зрения, рассматривать и характер представленности лири-

ческого субъекта в лирических произведениях, где личные местоимения отсутствуют в принципе, однако присутствие лирического субъекта как лица сомнения не вызывает, поскольку в лирической структуре употребляются (обычно неоднократно) глаголы в форме повелительного наклонения в единственном числе – ср., к примеру приводимое далее стихотворение (выделено мною. – И.З.):

*Держись за облако, держись
За ускользающую высь,
За лист, что тихо ворожит
И на ветру слегка дрожит,
За ливня шумную струю,
За всё, что есть в твоём краю,
Где птичий яростен галдёж...
Держись. Иначе пропадёшь.*
сентябрь 2003 [7].

Функционирующие в лирическом тексте глагольные формы – типичный для русского языка способ выражения главного члена для синтаксических конструкций (односоставных переложений) *определённо-личного* и/или *обобщённо-личного* характера. В подобного рода лирических произведениях их грамматическое значение ещё более актуализируется, будучи «поддержанным» обобщающими свойствами лирического жанра (*всеобщность* запечатлённого в лирической структуре переживания, которое *одновременно* воспринимается и как индивидуальный, и как свойственный любой человеческой личности эмоционально-психологический акт).

Аналогичным образом (хотя и с привлечением различных языковых средств) лингвистически оформлен лирический субъект и во многих других поэтических произведениях Л. Миллер (выделено мною. – И.З.):

*Наступили холода,
Пруд застыл под коркой льда,
На деревьях нету кроны,
А по льду идут вороны.
И куда они идут?
Слева пруд и справа пруд
Белый-белый, льдистый-льдистый...
Жизнь опять страницей чистой
Претворилась. **На! Пиши!**
С лёгким сердцем. От души.*
ноябрь 2003;

*Где же млеко? Где же мёд?
Всюду темень, хлад и лёд,
Мрак и хлад больного века...
Где ты, Божия опека?
Годы прочь унесены...
Если будем спасены,*

*То лишь тем, что оборвётся
Всё, что в душах вечно бьётся,
Мечется и рвётся вдаль,
Причитая: «Горько. Жаль».*
октябрь 2003 [8].

Первое из приведённых стихотворений начинается пейзажного зарисовкой (первые четыре строки, больше трети словесного пространства стихотворения), где лирический субъект отсутствует – он косвенно проявляется в пятой строке – в риторическом вопросе (*И куда они идут?*), а затем – в двух односоставных предложениях императивного характера (*На! Пиши!*), в одном из которых главный член выражен особой частью речи, относимой либо к глаголам, либо к словам категории состояния (на), в другом – глаголом в форме единственного числа повелительного наклонения (пиши). Повышению степни императивности, безусловно, способствует и то, что данные предложения являются *восклицательными* по типу высказывания.

Во втором из приведённых стихотворений лирический субъект вначале косвенно представлен *системой* трёх риторических вопросов (*Где же млеко? Где же мёд? ... Где ты, Божия опека?*) и затем – более выражено – составным именным сказуемым определённо-личного (=обобщённо-личного) предложения (придаточная часть со значением условности в сложноподчинённой конструкции), состоящим из глагола-связки, выраженного формой первого лица множественного числа, и именной части, выраженной кратким причастием множественного числа: *Если будем спасены ...*

Таким образом, коммуникативно-стилистический подход – в сочетании с уже имеющимися, более традиционными – видится весьма плодотворным способом постижения своеобразия современного лирического текста, в особенности

с учётом превалирования в творчестве поэтов-лириков настоящего периода лирики именно автопсихологического характера.

В частности, он позволяет выявить и более детально (а в ряде случаев, несомненно, и более глубоко) описать различные ипостаси лирического субъекта с опорой на избранные автором в каждом конкретном произведении средства и способы лингвостилистического «оформления» данного феномена, систематизация которых, как представляется, в дальнейшем позволит создать типологию (или же ряд типологий) лирических текстов, в основу которой будут положены отмеченные особенности.

Литература

1. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н.С. Болотнова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. – М.: Флинта ; Наука, 2003. – С. 159.
2. Бройтман, С.Н. Лирический субъект / С.Н. Бройтман // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 112–113.
3. Корман, Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора: В помощь студенту-заочнику, специализирующемуся по литературе / Б.О. Корман. – Ижевск, 1982. – С. 13.
4. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
5. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
6. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
7. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
8. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.

Поступила в редакцию 17.12. 2018 г.